

Тогда Лю Цюаньцзинь заколол ногу веткой, и в тот же день об этом узнала вся деревня. Стало известно и то, что Чжэцзы-гэ специально выделил день, чтобы помочь семье Цин-гэ вспахать землю. Что касается того, почему он не помог старику Лю вспахать его участок, староста всё объяснил предельно ясно: Ли-ши не дала серебра на врача, заставив Лю Цюаньцзиня работать в поле босиком, поэтому помощь в пахоте не оказывалась.

Если кто-то еще будет говорить о непочтительности, староста объявил: если кто-то готов заколоть себе ногу и помочь своей семье вспахать землю, демонстрируя сыновнюю почтительность, тот может тыкать пальцем в лицо Лю Яоцину — тот гарантированно не ответит.

Это дело Пятый дядя Лю изначально не хотел брать в свои руки: семейные дрызги других — это грязь, которую не разберешь. Но Лю Яоцин был исключением.

В каждом доме выращивали дикие горные ягоды, которые в следующем году нужно было продать Лю Яоцину. Также они получили семена помидоров, и, вероятно, часть урожая тоже придется продать ему. Не говоря уже о картофеле: высокий урожай означал, что в будущем у каждой семьи будут излишки еды. Люди с совестью должны были бы поставить Лю Яоцину доску долголетия, так как же можно говорить, что он непочтителен?

Поэтому Пятый дядя Лю вмешался как староста, давая понять жителям деревни позицию Лю Яоцину.

На следующий день Чжэцзы пригнал быка и помог вспахать всю землю семьи Цин-гэ. Ряды вышли ровными, вспаханная земля была мягкой и красивой.

Старику Лю это было больно, но даже если бы он пошел поговорить с Лю Цюаньцзинем, толку не было. Теперь в третьей ветви главенствовал Лю Яоцин. Старик пришлось проглотить обиду, взять с собой Чжун-гэ, Чжэн-гэ и Мин-гэ, пойти копать землю, да еще позвать Лю Цюаньфу в поле.

Сжимая в руке лепешку с мясом, Лю Яоцин грыз её и наблюдал за происходящим вдали.

Старик Лю шел впереди, перекапывая землю, за ним следовал Чжун-гэ, а Чжэн-гэ и Мин-гэ, будучи еще малыши, сильно отставали. Лю Цюаньфу же, взяв мотыгу, взмахнул ею пару раз и сел на краю поля, больше не шевелясь.

В сравнении с ними, сторона старика Лю выглядела довольно жалко, но любой, у кого были глаза, видел, что Лю Цюаньфу, здоровенный мужчина, сам не работает. А кто этого не замечал — тот, видимо, был слеп.

— Я думаю, дедушка снова будет притворяться жалким, — Лю Яоцин подбежал к Чжэцзы-гэ поговорить. — У дедушки земли много, только они с Чжун-гэ и копают, неизвестно, когда управятся. Я хочу заставить дядю раскошелиться.

Вид Лю Цюаньфу раздражал его, и Лю Яоцин решил проучить дядю.

Старик Лю и Чжун-гэ, работая до седьмого пота целый день, не могли сделать столько, сколько раньше Лю Цюаньцзинь делал за один. Видя, что у других земля уже перекопана, а у них еще осталось много работы, старик Лю не мог спать по ночам от беспокойства, и на губах у него вскочили волдыри.

Он всего раз зашел в дом третьей ветви проведать Лю Цюаньцзиня, и больше не подходил, хотя

они жили в одном дворе, и дом третьей ветви был виден сразу.

Лю Цюаньфу тоже ходил в поле, но работать не хотел. Когда старик Лю делал замечания, он просто садился на землю, словно свинья, которую кипятком не напугаешь.

Жители деревни, беседуя о своем, неизбежно переходили на семью Лю.

— Раньше не было заметно, а теперь, когда у Лю Цюаньцзиня нога плохо, остался только старик Лю с внуками — сразу видно, что работа не ладится.

— Точно, раньше Лю Цюаньцзинь на поле бывал до рассвета, а уходил после темна.

— А тот Лю Цюаньфу...

— В конце концов, это чужие дела, эх...

Слыша вдалеке разговоры сельчан, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ пошли домой. Вся земля третьей ветви, даже низкого качества, была перепахана, быка вернули хозяину, а Лю Яоцин еще и подарил множество лепешек в благодарность — семья была рада как никогда.

Хотя в каждом доме умели печь лепешки, все считали, что у Лю Яоцина они самые ароматные и вкусные.

— Тетушка, пойдете в поле, — крикнул Лю Яоцин.

Увидев суровое лицо Лю Яоцина, Младшая Ли-ши не посмела отказаться и вышла за дверь. Позади Ли-ши ругалась, но её никто не слушал.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ повели Младшую Ли-ши в поле. Многие сельчане это заметили и заинтересовались, кто-то даже весело спросил:

— Цин-гэ, что это ты задумал?

— Дедушка целый день работает, устал, я хочу, чтобы он отдохнул, — с улыбкой ответил Лю Яоцин приветливо.

На краю поля Лю Цюаньфу лежал и спал, его тело, покрытое жиром, напоминало небольшую гору.

— Дядя, — присел Лю Яоцин, глядя в открывшиеся глаза Лю Цюаньфу. — Я позвал тетушку, чтобы вы, супруги, обсудили и достали серебро на аренду быка — вспахать оставшуюся землю.

— Нет денег, — с раздражением перевернулся Лю Цюаньфу.

Раньше он никогда не выходил в поле, а теперь каждый день сидел здесь, скучая до смерти.

— Сегодня это серебро ты отдашь хочешь или нет, — сказал Лю Яоцин, заметив, что вдалеке стоят люди, любясь зрелищем. — Дядя каждый день ходит пить к Хромому Лаю, и я подсчитал: тех денег хватит на быка с лишним. Если бы дядя тоже работал в поле, бык не понадобился бы, а сейчас работа почти закончена.

Слова были сказаны прямо и ясно.

— Если дядя откажется, мне придется выдавить сок большой жгучей травы и прикинуть, по

какой ноге вас лучше ударить, — сказал Лю Яоцин, а в это время Чжэцзы уже подобрал удобный камень и подбрасывал его в руке.

Лю Цюаньфу пократил глазами, видя, что зрителей всё больше, и решил идти ва-банк — репутацию он никогда не жалел.

— Бей, бей! Ударить сегодня, завтра я в управу подам жалобу.

— Чжэцзы-гэ, кидай! — медленно поднялся Лю Яоцин и подал знак Чжэцзы-гэ действовать.

Камень размером с ладонь упал на ногу Лю Цюаньфу, обильно покрытую жиром, и он заорал от боли.

Услышав вопли Лю Цюаньфу, старик Лю бросил мотыгу и прибежал обратно:

— Цин-гэ, что ты творишь? Он все же твой дядя, как можно поднимать на него руку?

При стольких зрителях лицо старика Лю то краснело, то бледнело. Ему хотелось, чтобы он только что стоял рядом с Лю Цюаньфу и удержал Лю Яоцина. Увидев, как Чжэцзы замахивается камнем, он поспешил встать перед Лю Цюаньфу, не позволяя бить его снова.

— Дедушка, сегодня все тут, я помогаю тебе проучить дядю, — с улыбкой сказал Лю Яоцин. — У дяди каждый день на водку деньги находятся, а на быка нет? Он не работает, значит, надо нанимать быка, иначе зерно, которое другие добывают тяжелым трудом, он будет есть даром. Дедушка, не говори, что «своя семья», «чужие люди». Я знаю, что мы родня, поэтому и вмешался: пусть дядя деньги даст, перестанет пить и наймет быка. Дедушка, ты сможешь отдохнуть, разве нет?

Хотя слова и были дерзкими, Лю Цюаньфу вел себя недопустимо, а это было во благо старика Лю — дать ему отдохнуть.

При стольких свидетелях, если старик Лю продолжит покрывать Лю Цюаньфу, в будущем связь с третьей ветвью может прерваться навсегда. Позиция Лю Яоцина была ясна: если он применит хитрость, Лю Цюаньцзинь больше не придет помогать.

Сейчас старик Лю был уже не так слеп и просто молчал с кислым лицом.

— Дядя, давайте серебро, — повернулся Лю Яоцин к старику Лю. — Дедушка, ты тоже скажи пару слов, не заставляй младшего управлять твоим сыном.

Это было уже наглостью и полным неуважением к старшим.

Но Лю Яоцин делал хорошее дело, а учитывая его связи с семьей Чжэцзы и их лепешками, картофелем и помидорами, никто из сельчан не стал его отговаривать. Все обернулись к старику Лю, уговаривая его сказать что-нибудь.

Под давлением толпы старик Лю, ради сохранения лица и чтобы не дать Лю Яоцину управлять своим сыном, всё же произнес несколько слов.

Деньги на быка должны были дать Лю Цюаньфу и Младшая Ли-ши. Младшая Ли-ши пошла к Вэй-ши, надеясь, что невестка внесет свою долю, но Вэй-ши, женщина крепкая, тут же заявила: Чжун-гэ тоже в поле работал, так что деньги от большой семьи должны дополнительно пойти и Чжун-гэ!

Пошумев, в итоге Лю Цюаньфу достал серебро, а Лю Яоцин тут же попросил Чжэцзы-гэ нанять быка.

Никто не сказал, что Лю Яоцин поступил плохо. Хотя он и перегнул палку, цель была благая — помочь старику Лю.

— Раньше не замечали, а теперь видно: старик Лю, видимо, разумом помутился. Старший сын — бездельник, впереди жизнь у них будет тяжелая.

— Всё из-за Цин-гэ. У нас в деревне и такие семьи есть, но что мы поделаешь?

<http://bllate.org/book/16688/1531927>